

А. С. Запесоцкий¹

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ЗОНА ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОБОРСТВА (Размышления по итогам VIII Международных Лихачевских научных чтений)

В постсоветский период конфликты между некоторыми государствами, образовавшимися после распада СССР, стали, увы, хроническим явлением международной жизни. Подобное развитие событий вызывает желание осмыслить положение нашей страны и ее соседей в современном мире в соотношении с некоторыми актуальными геополитическими теориями.

«Почему Украина — не Россия»? — этот вопрос вынес в заглавие своей книги один из неудачливых украинских политиков, во многом способствовавший нынешним трудностям новоявленной «самостийной» державы. Сегодня этот же вопрос исследуют многие ученые. Правда, совсем в другом смысле: почему братское нам государство систематически демонстрирует враждебность к России, почему многие годы оно не может обрести стабильность в своем самостоятельном развитии?

Противоборство по поводу газа вроде бы объясняется элементарной выгодой. Но на международной арене Украина и в самом деле не похожа на Россию или, к примеру, на Казахстан. И удивительно напоминает Грузию или, к примеру, Эстонию. Обычная бытовая логика, оперирующая географией, размерами государств, культурой, историей, понять это не помогает.

Конфликт цивилизаций?

Рискну предложить одну из версий происходящего. Версия эта — не моя личная. Скорее, обобщение высказываний специалистов, «зарисовки на полях» сборника

¹ Академик Российской академии образования, член Президиума РАО, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, член Президиума Совета ректоров Санкт-Петербурга, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ.

Автор свыше 1200 публикаций, в том числе около 50 книг: «Образование: философия, культурология, политика», «Культурология Дмитрия Лихачева», «Позиция», «Образование и средства массовой информации как факторы социализации современной молодежи» и др.

Почетный доктор Линнского университета (Флорида, США), Американского университета в Дублине (Ирландия), академик Академии наук и искусств (Париж).

Лауреат премии Правительства РФ в области образования. Лауреат Горьковской литературной премии. Кавалер медали К. Д. Ушинского. Кавалер Большой золотой медали им. Льва Толстого Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП).

материалов VIII Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся в нашем Университете в 2008 году. Книга выпущена в свет издательством СПбГУП и представляет собой весьма объемный том докладов около 300 представителей мировой научной и политической элиты по актуальным проблемам мирового развития. Среди участников — свыше 40 членов отечественных государственных академий наук разного профиля; примерно полсотни профессоров с мировыми именами из стран Запада, Японии, Индии, арабского мира, СНГ; генеральный директор ЮНЕСКО (1987–1999) Федерико Майор; президенты Португалии (1996–2006) Жоржи Сампайю, Индонезии (2001–2004) Мегавати Сукарнопутри, Кыргызстана (1990–2005) Аскар Акаев; генеральный секретарь Совета Европы (1999–2004) Вальтер Швиммер и т. д. Фолиант открывает читателю практически «срез» основных течений современной мировой гуманитарной мысли, так сказать, вести с передовой научного фронта.

Очевидно, что современная научная дискуссия в сфере международной политики во многом ведется «по мотивам» теории, предложенной более 10 лет назад гарвардским профессором Сэмюэлем Хантингтоном в труде «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка». Его главная идея заключается в прогнозировании на XXI век мировых конфликтов цивилизаций на почве культур, в отличие от характерных для минувших эпох войн за территории и сырьевые источники. Работа эта возникла, разумеется, не на пустом месте. Легко можно найти идейных предшественников: от русского мыслителя Н. Я. Данилевского до западных Шпенглера и Тойнби. Проблемы взаимодействия культур активно разрабатывались с середины 1990-х годов параллельно с Хантингтоном и у нас в Университете, под руководством академика Д. С. Лихачева, разумеется, под существенно иным углом зрения, чем в Гарварде. При всем различии подходов к концу XX века уже многим было понятно, что культура играет в мировом развитии значительно большую роль, чем считалось ранее. Однако работа Хантингтона имела особый резонанс — потому, что отвечала интересам и психологии управляющей в США элиты, задавала новый ракурс взгляда на мир из этой страны, намечала

яркую идеологему ее поведения в условиях крушения СССР и биполярного мироустройства.

Запад: лидер сдает позиции

Сегодня, после того как Запад развил эту теорию и сделал ее основой своей международной практики с акцентом на конфликт, интересы его реализуются не просто — настолько, что теоретики говорят об «упадке Запада», «конвульсиях мирополитического устройства», «коллапсе цивилизаций» и т. д. Экспорт демократии американского образца, стиль жизни, массовая культура, ценности потребительского общества США оказались не востребованы существенной частью мирового сообщества. Стремление Америки укрепить во всем мире свое лидерство привело в итоге к невиданному в истории росту и распространению антиамериканизма. Властвующая в США элита испытывает смутение, которое уже не удастся скрыть.

Разумеется, эта страна на сегодня остается самой мощной в экономическом и военном отношении мировой державой. По некоторым подсчетам, на поддержание военной мощи США тратят примерно столько же, сколько весь остальной мир. Менее заметно, но, может быть, даже более важно информационное влияние Америки. Свыше 90 % всех новостей в мире производится тремя американскими корпорациями. Характерно, что на сегодня в США только 3 % населения задействовано в сельском хозяйстве, около 13 % — в промышленности, а более 60 % занято производством и обменом информацией.

Однако на мировой арене происходят сдвиги принципиального характера. Запад сдает позиции, и весьма стремительно. Доля ВВП США в мире снизилась с 35,4 % в 1966 году до 22,5 % в 2005-м. В 2006 году совокупный валовой продукт развивающихся стран впервые превысил ВВП развитых стран. Серьезнейшей проблемой стали демографические тенденции. Доля христиан во всем мире быстро уменьшается. Сокращается и доля англоговорящих. В США пока еще доминирует англосаксонская протестантская культура, но по официальным американским прогнозам к 2050 году белые там будут составлять около 46 % населения. Возможно, пора прогнозировать, на каких государственных языках они будут говорить. Во всяком случае, ряд американских университетов уже ведет обучение на мандарин-китайском.

Одной из основных осей развития событий в современных международных отношениях стало противостояние между Западом и мусульманским миром. Рядом со старыми центрами силы встают Китай и Индия. Профессор Е. Г. Ясин (ГУ — ВШЭ) заметил по этому поводу на Чтениях, что данные страны сейчас проходят позднюю индустриализацию, опираясь на свои сильные конкурентные преимущества, в первую очередь — дешевую рабочую силу высокого качества, дисциплинированную и легко обучаемую. И они имеют возможность использовать западные технологии, которые массово внедряют. Тем, кто полагает, что развитые государства эксплуатируют развивающиеся, следует понимать, что в случаях с Китаем и Индией ситуация противоположная.

В кругах ученых все активнее обсуждается тезис, что США, ставшие в конце XX века единственной сверхдержавой, не смогли справиться со своей ролью монополярного лидера. Критики утверждают, что модель неолиберального капитализма просуществовала почти три десятилетия и завела Америку в тупик, а стремление администрации Джорджа Буша силой насаждать ее повсеместно приняло характер чуть ли не опасного сектантства, лжерелигии. Некоторые ученые уже с юмором поговаривают о том, что необходимо спасать мировой капитализм от неолиберализма, о проблеме по возможности безболезненно выхода Запада из режима мировой гегемонии.

Вместе с тем на Чтениях немало говорилось и об окончании эпохи национальных государств. Конкуренция в условиях глобализации приобретает межцивилизационное измерение. Последним национальным проектом был Третий рейх, и он бесславно провалился. В рамках этой концепции гениальность Черчилля заключалась в том, что, располагая огромным потенциалом Британского Содружества Наций, он на добровольной основе присоединился к новой англо-американской империи во главе с США. Сталин создал мощнейшую славяно-советскую империю. Шарль де Голль ощутил, что судьба находящейся в одиночестве между этими двумя империями Франции ничтожна, и поддержал идею формирования Европейского Союза (первоначально — Латинской империи).

В рамках такого понимания хода событий формирование современных цивилизаций предстает как создание союза наций. Отсюда — проблема поиска наиболее рациональных конфигураций, конструирования той или иной цивилизации. Замечу, что такое понимание событий у специалистов особых возражений не вызывает. Кстати, по Хантингтону, существует 7 или 8 мировых цивилизаций. Принципами их выделения служат язык, религия и история. «Славяно-православная» цивилизация в его понимании существенно отличается от западной по религиозным основаниям и их последствиям. Вот с этим далеко не все согласны.

Насколько остра будет конкуренция между цивилизациями, насколько неотвратимы конфликты? В этом плане также нет единого мнения. Многие, как Аскар Акаев, считают, что «в геноме человека нет званья, предопределяющих антагонистическое начало в его отношениях с себе подобными. На более высоком уровне — наций и многонациональных образований — к этому добавляются нормы, являющиеся, по сути, общественным договором». Но на Чтениях прозвучал и интереснейший доклад члена-корреспондента РАН А. В. Смирнова (Институт философии РАН): им выявлена высокая вероятность того, что далеко отстоящие друг от друга культуры, к примеру, христианского Запада и мусульманского Востока, в принципе не могут достичь достаточно полного взаимопонимания в силу различий в механизмах мышления и восприятия реальности. Это касается не всех сфер жизнедеятельности, но в первую очередь — этики, политики, организации власти, отношения к миру, понимания цели жизни и т. п. Разумеется, от неполного понимания до конфликта — дистанция немалая, и все же...

И все же, по мнению ряда специалистов, США пребывают в тревоге: вполне возможно, что их элита экстраполирует на будущих лидеров планеты ту логику поведения, которой сама руководствуется сегодня: «С какой стати вникать в интересы тех, кто слабее тебя; с какой стати уважать слабых, договариваться с ними?» Диалог культур возможен только при равенстве сил — такое мнение высказал гуру современной социологической мысли Америки, профессор Йельского университета Иммануил Валлерстайн. Но если так, то почему через 20–30 лет Китай должен вести себя по отношению к США иначе, чем Америка недавно поступила с Югославией?

Казалось бы, в силу этой логики США стоило бы стремиться к объединению в той или иной форме с Европейским Союзом и Россией. Тогда по демографическим характеристикам христианская цивилизация оказывается сопоставима с Китаем, Индией и мусульманским миром. По экономической же мощи будет всех превосходить еще долго. Именно так мыслят многие европейцы. «Непонятно, почему США в последние годы так ревностно выступают против политики сближения ЕС с Россией?» — вопрошает в своем докладе немецкий политолог Александр Пар.

Как Америка руководит Европой

Возможно, причина именно в нежелании договариваться, заключать союзы с более слабыми. Ключевой вопрос — в какой форме объединяться. По мнению администрации Буша, слабыми следует управлять. Точнее, командовать. Может быть, в связи с этим Америке и не нужна сильная Европа, тем более — сильная Россия. Такова версия ряда участников Чтений. И она содержит в себе некую логику, проясняющую взаимосвязь таких разных событий, как конфликтность поведения Польши, эстонские эксцессы вокруг «бронзового солдата», деятельность Михаила Саакашвили, перекрытие украинской газовой трубы, ведущей от России к ЕС, и т. п.

Несомненно, у этой точки зрения найдутся убедительные оппоненты. Дескать, у бывших «советских сателлитов» и без подсказок США достаточно поводов ненавидеть русских. И теорий на этот счет предостаточно. К примеру — абсолютизация различий менталитета, проистекающих из разницы в модификациях христианства и исторического опыта. На подобной идеологической основе Польша пытается провозгласить себя пограничным стражем Европы, охраняющим ее от «варваров с Востока». Но почему, к примеру, этого не делает Финляндия? Почему Германия выстраивает отношения с нашей страной совершенно по-иному, чем Англия? Почему Казахстан ведет себя не так, как Украина? На все эти вопросы эксперты пока находят лишь один более или менее убедительный ответ: взаимоотношения современной России с другими странами мира весьма существенно зависят от возможностей влияния США на эти страны.

Любое современное государство — по-своему уникальная и неповторимая единица геополитики. И США пытаются по мере возможности выстроить их «по ранжиру» в своем проекте глобальной архитектуры. В этой конструкции нетрудно разглядеть свои уровни, «этажи».

Где-то наверху, почти рядом с США — Англия, выдающая себя в делах Евросоюза за лояльного члена этого сообщества. На самом же деле — представитель США, которому поручено курировать соседей. По мнению профессора Дипломатической академии МИД РФ И. Н. Панарина (Москва), эти две страны реализуют геополитический проект Новой Британской империи: «НБИ — главный геополитический и геоэкономический субъект современного мира, образованный после Второй мировой войны крупнейшими британо-американскими транснациональными корпорациями и банками».

Следующие этажи, ниже — часть Евросоюза, лежащая за Ла-Маншем. В Евросоюзе все непросто. Еще 15–20 лет назад США управляли его развитием опосредованно — через лидирующие страны Западной Европы, к каждой из которых через Атлантику протянуты свои ниточки. Включение бывших стран Варшавского договора и республик СССР в ЕС проходило, как известно, под диктовку Запада и привело к любопытнейшей ситуации. Проекты расширения Евросоюза осуществлялись на государственные средства его старых членов, в первую очередь — Германии, выступавшей донором. Но в итоге практически все базовые отрасли экономики стран — новых членов оказались приватизированы частными фирмами старой Европы. К примеру, чехам в их собственной стране не оставлено почти ничего, кроме работы в сфере обслуживания и малорентабельном сельском хозяйстве. Болгарам позволено иметь ресторанчики и мини-отели на берегу Черного моря, но электричество к ним поступает по австрийским сетям, и т. д. Все эти страны — источники дешевой и хорошо адаптирующейся на Западе рабочей силы. Как заметил один эстонский журналист: «У нас в газетном деле все хорошо. Только читателей не стало. Все, кто мог, уехали». Остались пенсионеры и политичес-

кая элита, которая в новых странах ЕС полностью контролируется Америкой.

Технологии такого контроля отработаны уникальные. Коминтерн подобных и представить себе не мог. Начало было положено еще при социализме — поддержкой и возвращением диссидентского слоя. Затем — культурные обмены, стажировки, программы различных фондов. Ставка делалась на лидеров интеллигенции, ощущавших обаяние «мягкой силы» Запада: разнообразия товаров, потребительских благ и бытового комфорта, культурных ценностей и т. д. В момент слома социалистической системы именно эти люди были приведены к власти. Теперь их отношения со Старой Европой строятся весьма своеобразно. Контроль США, к примеру, над Германией или Италией, бывший после войны практически абсолютным, постепенно ослабевает. Кстати, многие западноевропейские аналитики полагают, что нынешние лидеры Германии и Франции не пришли бы к победе на последних выборах, если бы не разочарование Америки чрезмерной самостоятельностью и историческими предшественниками... Так вот: когда общеввропейские интересы стран Западной Европы начинают преобладать над интересами трансатлантическими, Польша, страны Балтии и прочие новички начинают одергивать ветеранов Евросоюза. Таков механизм управления им из-за океана.

Вальтер Швиммер насчитал в Европе 48 государств, 200 языков и десятки религиозных конфессий. Для США весь этот вавилон разумно объединить, но не слишком, не до сплочения. Огромное большинство второстепенных вопросов европейцам дозволено решать самостоятельно, по принципу местного самоуправления. Для управления принятием ключевых решений используются те или иные «группы по интересам», оперативно создаваемые НБИ.

Три альтернативы для России

Как известно, дальнейшее расширение ЕС на Восток оказалось его инициаторам не под силу. Для того чтобы «проглотить и переварить» Россию, Украину и Белоруссию, нужны первоначальные вложения, несопоставимые по масштабам с освоением Чехии, Болгарии, Балтии. Не говоря уже об отсутствии соответствующих политических предпосылок.

Как включить три заграничных славянских народа в общую схему? Оказывается, их все было бы желательно разместить на самых нижних этажах проекта. Деньги вкладывать избирательно, в основном — частный капитал и в наиболее выгодные отрасли, использовать Россию, Украину и Белоруссию в качестве сырьевой базы и источника трудовых ресурсов. Для этого их нужно максимально разъединить и ослабить.

Так сложилось, что среди этих славянских государств слабым звеном оказалась Украина. Как и Турция, по своим масштабам она слишком велика для вхождения в ЕС. Но некоторые религиозные, культурные особенности, а также специфика новорожденной элиты делают данную страну весьма удобной для исполнения функций зоны постоянной нестабильности в Восточной Европе — по образцу южноевропейского «гниюника», созданного на месте бывшей Югославии.

В подобном качестве Украина весьма полезна в англо-американском проекте — потому, что торпедирует два других, конкурирующих суперэтнических проекта современного мироустройства. Один из них — «строительство общеввропейского дома» — концепция, очень популярная в Европе и СССР времен Горбачева. Надо заметить, что в Испании, Португалии, Италии, Германии (в особенности) и ряде других стран эта идея и сейчас популярна. США первоначально ее тоже поддерживали — до крушения СССР. Затем сделали все возможное, чтобы данный

проект похоронить. К примеру, Рейган твердо обещал Горбачеву (и это зафиксировано в соответствующих протоколах), что НАТО будет распущено одновременно с Варшавским договором. Затем Запад гарантировал, что Восточная Германия, объединившись с Западной, войдет в НАТО, но дальнейшего расширения этого военного блока на восток не будет. Потом НАТО завело разговор о дальнейшем расширении, но без создания в Восточной Европе военных баз. Что имеет место сегодня, мы хорошо знаем. В такой обстановке объединенную Европу строить весьма затруднительно, что и требовалось некоторым.

Видимо, «европейский дом» от Гибралтара до Берингова пролива для США малоинтересен. Результат такой интеграции — появление мощного субъекта геополитики, способного говорить с Америкой на равных. Но третий проект с точки зрения США и вовсе неприемлем. Это — строительство Евразийского союза, объединяющегося вокруг России: близкого по составу к СССР, но интегрированного менее жесткой политической структурой. Обывателю постсоветской эпохи это может показаться утопией, но специалисты видят дело совершенно иначе.

По мнению ряда участников Чтений, этот геополитический проект находится примерно в той же стадии реализации, что и ЕС 25–30 лет назад, и имеет более чем серьезную экономическую основу. Например, транспортные услуги по обслуживанию грузопотока между Европой и Азией могут приносить больший доход, чем сегодня продажа нефти и газа. По данным, приводимым И. Н. Панариным, только у индустриально развитых стран экспорт транспортных услуг превышает 250 млрд долл. в год. Специализированный грузовой состав проходит от Находки до западных границ России за 9 дней, а до Западной Европы он может дойти за 12–14 суток, в то время как срок движения тех же грузов по морю через Индийский океан — 35 суток. И пройден почти весь этот путь

может быть на основе дешевых возобновляемых источников энергии. А Северный морской путь в два раза короче нынешнего маршрута через Индийский океан и на 30 % дешевле. Есть и серьезная культурная основа для реализации этого проекта, не укладывающаяся в рамки теории Хантингтона. «Незападные» культуры озабочены сегодня проблемами собственной модернизации. Модернизация по-американски ими отвергнута. Российская же версия, реализуемая в последние столетия в Центральной Азии, как отмечал Ш. Мустафаев (ЮНЕСКО, Узбекистан), намного более приемлема.

Украина: путь в никуда?

Можно, конечно, спорить с Хантингтоном о степени отличий «славянской цивилизации» от «западной», но нельзя не заметить, что последние 10–12 лет Украина обрабатывается по его рецептам. Отрыв, изоляция ее от России осуществляется в первую очередь в трех сферах культуры: язык, религия, история. Войти в НАТО, на долгие десятилетия, если не навсегда остаться за порогом ЕС, разорваться в ходе междоусобиц региональных элит — такая цена, которую по одному из сценариев суждено заплатить народу Украины за стабильность одного из проектов мирового доминирования.

Насколько этот сценарий будет реализован — прогнозировать трудно. Многие, и в России в том числе, ждут от Барака Обамы чего-то похожего на продолжение «Нового курса» Рузвельта — идеологии позиционирования США в мире, базирующейся на совсем иных принципах, нежели деятельность администрации Буша. Скептики же подсчитали, что в последние десятилетия при самых радикальных сменах американских президентов их политика меняется не более чем на 10 %. Попадет ли славянский вектор политики США в эту «десятку»?

В настоящее время большинство аналитиков не склонно демонстрировать оптимизм в данном вопросе.